

Д.Е. Расков

ДИСКУССИИ О ПРОЦЕНТЕ У СТАРОВЕРОВ

В данной статье рассмотрено отношение к взиманию процента в хозяйственной этике старообрядчества. Указано противоречие между осуждением ссудного процента в православной традиции и хозяйственной практикой купцов и попечителей старообрядческих общин. Несмотря на использование ссудного процента в практике старообрядческого купечества, староверами был сохранен христианский дух запрещения процента. Статья основана на изучении архивных текстов уставов, писем, посланий.

Ключевые слова: старообрядчество, хозяйственная этика, процент, полярность экономического и духовного, община, купечество.

Введение

В хозяйственной этике христианства вопрос о взимании процентов в кредитных взаимоотношениях — один из самых острых и обсуждаемых. Идеалом с нравственной точки зрения (учитывая заповедь любви к ближнему, призыв помогать, не ожидая ничего взамен) стал беспроцентный и даже безвозвратный кредит. Ростовщичество как извлечение чрезмерно высокого процента осуждалось, поскольку зачастую ставило в затруднение должника вплоть до разорения и кабалы. В Средневековой Европе на богословском уровне обосновывалось запрещение взимания процентов. Тем не менее, запреты не помогали, поскольку касались только христиан, а также обходились с помощью различных правовых ухищрений и деловых уловок. В данной статье основное внимание будет уделено обсуждению практики помещения капиталов под процент в рамках московской общины федосеевцев¹.

«Сребра своего не даде в лихву»

В христианстве с самого начала возникли точки небывалого напряжения и конфликта между привычной экономической практикой и христианскими запо-

Данила Евгеньевич Расков — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹Федосеевцы — одно из наиболее радикальных согласий староверов-беспоповцев. Название получило по имени основателя — Феодосия Васильева (1661–1711). Учение федосеевцев отличает отказ от института брака, эсхатологические ожидания и ряд регламентирующих положений. В XIX в. федосеевцы являлись одним из самых многочисленных согласий староверов.

ведями. Стяжанию земному, где «*червь и тля тлит, и идеже татие подкопывают и крадут*» (Мф 6:19) противопоставлялось стяжание сокровищ на небесах. Вопрос ставился остро, полярно: «*Не можете Богу работати и мамоне*» (Мф 6:24). В святоотеческой традиции отношение к стяжанию и проценту было резко отрицательным и не предполагало двойного толкования. Свт. Иоанн Златоуст называл накопление земных благ «*признаком крайнего безумия*», поскольку накапливать то, чем не можешь воспользоваться, — безумие. Забота о богатстве может удалить от Бога и поработить: «*Не в состоянии будешь помыслить о горнем, а только о деньгах, о процентах, о долгах, о прибытках и гнусных корчемствах*»². Лихоимание, т.е. взимание процентов, и корыстолюбие однозначно осуждались.

В тексте Священного Писания есть немало мест, где прямо указывается на осуждение процента, роста, или по-старославянски «*лихвы*». Уже в Ветхом Завете даются прямые указания, что праведный человек не может давать в рост и брать лихвы (Иез 18:8). Ростовщичество всегда приводило к обеднению народа, которому приходилось закладывать дома, виноградники и даже продаваться в рабство (Неем 5:7). В псалме Давида встречаются прямые указания не взимать процента: «*сребра своего не даде в лихву*» (Пс 14:5). Однако, по сравнению с Новым Заветом, были и некоторые послабления. Не воспрещалось давать в рост иноземцу, т.е. допускался «двойной стандарт» (Втор 23:20); считалось, что богатство, приумноженное ростовщичеством, может впоследствии пойти на благотворительные цели (Прем 28:8). Новый Завет делает вопрос о взимании процентов однозначным, поскольку заповедь о любви к ближнему требует никогда не отказывать в просьбе не только нуждающемуся, не только брату, но и любому обратившемуся: «*Просящему у тебе дай и хотящаго от тебе зяяти не отврати*» (Мф 5:42). Стяжать благодать можно давая и не требуя ничего взамен: «*Благотворите, и взаим дайте, ничесоже чающе*» (Лк 6:34–35), т.е. благословляется даже не беспроцентный кредит, а дар. И грешник грешнику может дать займы, христиан же дает, не ожидая ничего взамен. В святоотеческой традиции, в решениях Соборов запрет взимать проценты стал нормой³. Вокруг экономической жизни изначально возникает напряжение. Утверждается полярность земного и небесного, экономического и духовного.

²Иоанн Златоуст, свт. Толкование на Святого Матфея евангелиста // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в двенадцати томах. Т. 7. Кн. 1. М., 2000. С. 290.

³См.: Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913. С. 171–201 (глава «Ссуда денег под проценты»).

В русской православной традиции к проценту относились не так категорично⁴. Если в средневековом католическом учении обоснование запрещения процента в духе Аристотеля — через торговлю временем, которое принадлежит только Богу, либо «продажу того, чего нет» — стало одним из центральных экономических вопросов, то в православии таким вопросом скорее являлся вопрос о церковном землевладении⁵.

Экономика без кредита существовать не могла. В кредитах нуждались торговцы, которые не имели возможности сразу расплатиться за товар, землевладельцы, крестьяне, наконец, сами князья. Ссудными операциями активно занимались монастыри. По наблюдению И.М. Кулишера, редко какой землевладелец был свободен от долгов и мог написать в духовном завещании: «не виноват никому ничем, разве Богу душою»⁶. Регулирование этих отношений начинается еще в «Русской правде», продолжается в судебныхниках. «Как истина с ростом сравняется в пять лет, и рост имать на пять лет, а затем сверх пяти лет росту не иметь» — установлено в Судебнике 1625 г. Федора Иоанновича, что соответствовало и более раннему Судебнику 1589 г. Мирской закон устанавливал ограничения на взимание процента. «Указной рост» не мог превышать 20%, а общий долг был ограничен двукратным возрастанием начальной суммы долга, отсюда и второе ограничение в пять лет. Гарантией по кредиту выступали поручители. В случае несостоятельности должника подвергали процедуре известной как «правеж» (истязаниям на площади перед приказом). Если в течение «указного месяца» это не помогало, то наступала личная ответственность, т.е. кабала — работа на кредитора.

Неслучайно, что законодательно процент запрещается в Уложении 1649 г.: «А правити заемные денги по кабалам и по духовным на заимщиках исцом истину, а росту на те заемныя денги не правити потому, что по прави-

⁴Богослов и экономист игумен Филипп (В.В. Симонов), исследовавший православное понимание хозяйственных процессов, указывает лишь свт. Тихона Задонского (1724–1783) в числе тех, кто решительно осуждал взимание процента как явный грех: *Симонов В.В.* [Игумен Филипп.] *Церковь-общество-хозяйство*. М.: «Наука», 2005. С. 288–289.

⁵Отдельный вопрос для исследования может представлять смена полюсов хозяйственной этики, когда жесткость запретов и осуждения быстрее сменяется оправданием и терпимостью. Так, в рамках католической традиции после введения политики *Aggiornamento* ссудный процент стал оправдываться, поскольку «выполняет важную народнохозяйственную функцию» и необходим для индустриальной экономики. См.: *Хёффнер Й.* *Христианское социальное учение*. М.: Духовная библиотека, 2001. С. 220.

⁶*Кулишер И.М.* *История русского народного хозяйства*. М.: «Наука», 2004. С. 625.

лом Святых Апостол и Святых Отец росту на заемные деньги имати не велено»⁷. Как предполагает историк кредитных отношений С.Я. Боровой, «этот запрет не имел большого практического значения, хотя и осложнял деятельность ростовщиков. Наиболее распространенной формой обхода этого запрета была выписка кабалы на сумму долга, к которой заранее приписывались проценты»⁸. Именно в этот период тема социального аспекта христианства становится более актуальной. Это совпадает с общей попыткой очищения православия, например, с такими проявлениями язычества как скоморошество. Приведение мирской жизни к апостольским и святоотеческим правилам отличало этот период, в котором в движении боголюбцев участвовали вместе будущие реформаторы и защитники «древлего благочестия». В XVIII в. процент по кредиту не запрещался, но ограничивался «указным процентом». С учреждением в 1754 г. Дворянского и Купеческого банков предельно допустимая ставка процента устанавливается на уровне *6% годовых*⁹. К началу XIX в. сложилась такая ситуация, что формальное запрещение процента повышало риск этих операций и приводило к дополнительному росту ставки по кредитным операциям. На государственном уровне предпринимаются меры по удешевлению кредита, растут преимущества тех, кто может пользоваться неофициальным кредитом. К началу XIX в. и относится дискуссия о проценте, которая развернулась в среде староверов-федосеевцев.

В этом проблемном поле мы предлагаем рассмотреть такой важный аспект хозяйственной этики старообрядчества, как отношение к взиманию процента и стяжательству. В среде староверов дискуссия по вопросу о проценте и поиск правил денежных отношений, соответствующих христианским идеалам, стали значимыми в устройстве общинной жизни. Денежные отношения возникали как внутри общины, так и с внешним миром. Основным поводом к исследованию этого вопроса стала дискуссия XIX века в рамках Преображенской общи-

⁷ Соборное уложение 1649 года. Гл. XX. Ст. 255. Изд. М.Н. Тихомирова и П.П. Епифанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 154.

⁸ Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. С. 18.

⁹ Экономисты-историки вычисляют реальную ставку процента, исходя из того, что в заемной записи проставлялась сумма уже с учетом процента, а также, что давались в кредит в основном круглые суммы. См.: Голикова Н.Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 265–267.; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М.: «Наука», 2005. С. 469–471. Иностранцы предоставляли дисконт под 12% годовых, а краткосрочные внутренние кредиты могли достигать даже 1% в день.

ны беспоповцев-федосеевцев. Наиболее важными первоисточниками по этому вопросу стали правила внутреннего устройства московской Преображенской общины федосеевцев, которые были приняты и получили «высочайшее» одобрение Александра I, письмо-протест начетчика и духовного лидера федосеевцев Сергея Семеновича Гнусина «Об отдаче общинных денег под проценты» и, наконец, текст письма и выписок «О процентной добыче и лихоимании», сделанных А.С. Тарутинским и обращенных к видному деятелю Стародубской и Преображенской общин Ефиму Степановичу Суворову. Отношение староверов к практике размещения капиталов в банках и под проценты буквально разделило общину в 1808 г. при подготовке проекта устава общины. Первоначальный устав, отражающий интересы наиболее обеспеченных членов общины, подвергся критике со стороны начетчиков и простых прихожан. В результате, более развернутые «Правила» прописали лишь беспроцентный, а зачастую и безвозмездный кредит. Есть основания полагать, что большую роль в этом сыграл С.С. Гнусин. В дальнейшем споры не утихали, о чем свидетельствует письмо А.С. Тарутинского, относящееся ко второй половине XIX в., в котором автор призывает прекратить помещение капиталов Преображенского кладбища в Москве в банк под проценты, а выписками обосновывает справедливость этого призыва авторитетом душеспасительных книг. Тем самым, в задачи данной статьи входит показать значение обсуждения практики взимания процента в хозяйственной этике староверия, провести сравнительный анализ и интерпретацию текстов писем С.С. Гнусина, А.С. Тарутинского и проектов устава общины федосеевцев, а также поставить более широкий вопрос о последствиях напряжения, возникающего в христианстве в вопросах экономики.

Процент в хозяйственной этике староверов

Хозяйственная этика старообрядчества, с одной стороны, опиралась на средневековые православные представления, а с другой — в борьбе за выживание, за сохранение своей веры вынужденно приспособлялась к внешним обстоятельствам. Уже в начале XVIII в. настоятели Выговской пустыни обосновали новое отношение к участию старообрядцев в торговле. Мера вынужденная, но симптоматичная для будущего развития торговых предприятий. «Благопослушная» торговля не для личного обогащения, а для выживания и процветания общины получает духовную санкцию¹⁰. Любая торговля растянута во времени

¹⁰Подробнее см.: *Расков Д.Е.* Торговля и хозяйственная этика раннего старообрядчества: Из истории Выговской поморской пустыни // *Экономическая история России: проблемы, поиски, решения* / Ежегодник. Волгоград. 2004. Вып. 6. С. 312–321.

и использует разницу в ценах различных регионов. Для ведения торговли необходим оборотный капитал, который зачастую приходилось занимать. Историк Выговской пустыни Иван Филиппов указывал, что для ведения торговли брали кредит у «добрых людей», которые давали «на торг ис половины денег»¹¹. Есть сведения, что уже в 40-х гг. XVIII вв. давать и брать в долг не запрещалось. В 11-й статье наставления Мануила Петрова, обращенного к братии, занятой в торговом промысле, настоятель рекомендует давать и брать в долг только в крайнем случае, не «самолично», а по общему совету, чтобы зря не рисковать и не потерять капитал¹².

Каково же было отношение к проценту, к возможности получения прибыли? Запрет на взимание процентов у староверов был ослаблен тем, что допускались исключения ради благой цели: не для личного обогащения, а для пользы общины, для пользы общего дела. Отношение к этому явлению торговых людей, купцов зачастую отличалось от более суровых трактовок отцов и начетчиков. Кроме того, купцы и попечители, которые жили в крупных городах и были активно вовлечены во «внешнюю» жизнь, к подобным запрещениям относились менее ревностно, чем следующие более строгим правилам начетчики и простые миряне, живущие в селах, деревнях и скитах, удаленных от соблазнов цивилизации и мирской жизни.

Проблема эта не из тех, что могла быть решена раз и навсегда. Каждое новое поколение заново задавалось вопросом: а соответствует ли практика размещения капиталов в банке Священному Писанию, святоотеческой традиции? Не будет ли от таких послаблений пагуба душе, пагуба для будущего общинного центра? Справедлива ли такая практика? Степень уступок внешнему миру, степень «обмирщения» всегда подвергались ревизии и часто служили источником внутреннего напряжения в жизни общин, поводом для активных дискуссий.

Эта проблема не могла быть незамеченной историками старообрядческого предпринимательства. Так, В.В. Керов указывает, что новые положения «во многом снимали нравственный конфликт при ведении предпринимательской деятельности, но “освящение” собственности и капиталов, даже использовавшихся на благо веры и общества, не было простым и бесповоротным»¹³. Осуждение сребролюбия, требование отказа от лихоимания интерпретируются автором как «латентное стремление сохранить материальное обеспечение мона-

¹¹ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 140.

¹² РНБ. Собр. Вяземского. Q 2. Л. 36 об.–37.

¹³ *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004. С. 442.

стырей» и «максимизировать “возврат” средств общине и единоверцам»¹⁴. От внимания исследователя не ускользают частое возникновение конфликта между начетчиками и наставниками, с одной стороны, и купцами и попечителями, с другой, а также предпринимавшиеся в общинах попытки одновременно ослаблять нравственный конфликт и максимально ограничивать личную собственность, личное обогащение.

Роль купеческого сословия в развитии старообрядчества трудно переоценить. Во многих официальных документах, регулирующих внутреннюю жизнь общин и их взаимодействие с внешним миром, специально оговаривалась возможность размещать капиталы под проценты. К примеру, в плане учреждения Преображенского Богаделенного дома, подписанном 15 мая 1809 г. Александром I, 14-е правило было специально посвящено вопросу управления капиталами: «Когда за расходами составитя из доходов в наличности капитал, то не оставляя его без обороту дозволить попечителям весь или часть оногo, по их рассмотрению, обратить в торговую коммерцию <...> Могут они вверять сумму и в посторонние руки, но не иначе, как известным капиталистам и достойным вероятия людям, со взятием от них законных письменных актов и сверх того для вящей предосторожности верных поручителей или благонадежных залогов»¹⁵. В этом документе, подписанном в декабре 1808 г. более сотней купцов и мещан, четко определяется особая роль попечителей во внутренней жизни общины. Попечители, как правило, были купцами, которые занимались торговлей и промышленностью. К примеру, Илья Алексеевич Ковылин (1771–1809), главный руководитель Преображенской общины того времени, владел суконной фабрикой, кирпичными и гончарными заводами, недвижимостью, которые по завещанию передал общине «в вечность». Крупные московские купцы хорошо представляли, как надо управлять и распоряжаться капиталами, понимали, что деньги не должны просто храниться «без обороту», но работать на пользу общине.

Беспроцентный кредит и правила федосеевцев

С самого начала в Преображенской общине не было единства по вопросу кредита. Уже П.Г. Рынзюнский обратил внимание на то, что существует, по крайней мере, две редакции устава общины: пространная, подписанная 900 староверами («Пункты») и более известная, краткая редакция со 100 подпи-

¹⁴Там же. С. 442–444.

¹⁵РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.

сями («План»)¹⁶. Первая, по мнению историка, отражала интересы зажиточной верхушки, вторая (пространная) — демократического большинства. Доступные автору настоящей статьи архивные документы двух уставов являются копиями, поэтому не все вопросы удалось снять. План внутреннего распорядка краткой редакции от 23 декабря 1808 г. включает 16 правил. Расширенный вариант состоит из 88 пунктов и подписан почти на два месяца позже: 17 февраля 1809 г.

«План» предусматривал возможность кредитования посторонних лиц — капитал, то не оставляя его без обороту дозволить попечителям весь или часть оно, по их рассмотрению, обратить в торговую коммерцию <...> Могут они верить сумму и в посторонние руки, но не иначе, как известным капиталистам и достойным вероятия людям, со взятием от них законных письменных актов и сверх того для вящей предосторожности верных поручителей или благонадежных залогов»¹⁷. В этом документе, подписанном в декабре 1808 г. более сотней купцов и мещан, четко определяется особая роль по, заслуживающих доверия, из средств, которые остаются «праздными» после покрытия всех расходов. Внесение в документ — и без того краткий — таких подробностей, как составление письменных актов, ходатайство поручителей, оформление залогов говорит об искушенности составителей правил относительно деловой практики того времени. Как было показано выше, 14-е правило было полностью посвящено вопросу управления капиталами.

Но не все разделяли позицию наиболее влиятельных попечителей. Их мнение выражал Илья Алексеевич Кавылин, от лица которого и было подано прошение. Исследования П.Г. Рындзюнского показали, что устав 1808–1809 гг. активно обсуждался. Как писал ученый, «С. Гнусин протестовал против намерения богачей ввести практику отдачи в кредит под проценты частным лицам собранных в общине капиталов и закрепить эту практику в уставе»¹⁸.

¹⁶ *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 463. Сокращенный план опубликован: ЧОИДР. 1869. Кн. 2. Отд. V. С. 131–139; пространные «Пункты»: РНБ. Ф. Бумаги Титова. № 2347. Л. 127–136.

¹⁷ РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.

¹⁸ *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство... С. 463.

В письме наставнику Сергею Яковлевичу (ум. в 1822 г.)¹⁹ от 22 октября 1808 г. Сергей Семенович Гнусин (1756–1839), начитанный учитель федосеевской общины, в связи с подачей прошения государю «с горестью душевной» пишет о недопустимости «в проценты давать желающим деньги и тем обители святых и сирот довольствовать»²⁰. По всей видимости, автор был лишен возможности участвовать в составлении «Устава» и получил информацию о его содержании втайне. Он высказывает аргументы как против того, чтобы больница при кладбище именовалась Александровской и переходила в государственное ведение, так и наиболее решительно против того, чтобы отдавать капиталы под проценты, а из них содержать обитель и приют. Главная задача этого письма — показать, что процент даже для благих целей губителен для общины и противозаконен. По мнению автора, сама обитель ни при каких условиях не должна участвовать в процентных операциях: «Самую главу и самое святое место <...> всяя российския земли <...> таким несправедным добытием окаляемо», «все Святое Писание на то зельне вопиет»; призывает «процентов сборы впредь для пресечения неполезных мнений исключить, да мир и благополучие тем наградит...»²¹. Начетчик опирается на Кормчую, Стоглав, комментарии Зонары, «Альфу и Омегу», творения свт. Иоанна Златоуста и приводит выписки о запрещении процента. С точки зрения дальнейших дискуссий важно то, что в тексте приводятся слова свт. Иоанна Златоуста из Бесед на Евангелие от Матфея, обращенных к оправдывающимся тем, что берут проценты для помощи слабым и нищим: «*Молчи, о человеце, не хочет таковыя жертвы Бог. Не ухищрай закона. Лучшие не даяти нищему, нежели отсюду даяти*»²². Из письма становится ясно, что слухи об этом новшестве (предоставлении ссуды под проценты) уже распространились на кладбище и в городе.

По всей видимости, письмо имело последствия. Речь о процентах как таковых в правилах не шла даже в первой редакции, но, как значится в коммента-

¹⁹Сергей Яковлевич — имя и отчество наставника. Информация о фамилии отсутствует. К настоящему времени история Преображенского кладбища подробно не написана. Наставники жили на нелегальном положении, опасаясь гонений, поэтому их фамилии широко известны не были и в документах употреблялись редко. Письмо обращено «Сергею Яковлевичу». В других документах информация подтверждается, что был такой наставник Сергей Яковлевич (ум. в 1822 г.), по другим документам — Сергей Яковлев (что представляет собой другой вариант для отчества).

²⁰ГИМ. Собр. Хлудова. № 167Д. Л. 92–96. Особая благодарность Е.М. Юхименко за предоставление копии этого письма.

²¹Там же. Л. 95 об.–96.

²²Там же. Л. 94 об. См. также: *Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Евангелие от Матфея. М., 1664. Ч. 2. Л. 119 об.–120 об.*

рии к письму, уже на следующий день — 23 октября 1808 г. — просьба С.С. Гнусина была зачитана и слова о процентах были убраны из документа, осталась же возможность «давать из общия суммы в торг». Это, по мнению комментатора, означало молчаливое согласие с взиманием процента: «...однако, хотя и не обретається, а на словах не отметають им [процентам] быть»²³. Подобные письма составили уникальный архив федосеевского согласия: «Отеческие завещания» и «Отеческие письма»²⁴.

С большой долей вероятности следует предположить, что выписки, призывающие пресечь «процентов сборы», которые сделал С. Гнусин, послужили основой для более поздних обсуждений этого вопроса. В частности, наблюдается большое совпадение между письмом С. Гнусина и выписками А.С. Тарутинского, которые обсуждаются ниже. Дальнейшая история показывает, что споры на этом не закончились и попечителей приходилось снова уговаривать не вовлекать обитель в грех «лихоимания».

Вернемся теперь к двум вариантам устава Преображенской общины федосеевцев, краткую версию которого мы обозначили как «План», а пространную и более позднюю как «Пункты». Трудно сказать, какой именно устав был написан Александром I. Скорее всего, это был «План, или Изъяснительное начертание местного положения и внутреннего распорядка Богаделенного дома», поданный И.А. Кавылиным. Кроме уже упомянутого 14-го правила о возможности пускать остаток средств в торговую коммерцию, «План» закреплял беспрепятственно принимать от вкладчиков и свободно распоряжаться домами, лавками, фабриками, землями (правило 12-е)²⁵. В отличие от «Пунктов», под «Планом» сохранились подписи наиболее значительных прихожан Преображенского Богаделенного дома — около ста подписей купцов и мещан. Прежде всего, это «заблаговременно» избранные попечители: Ефим Грачев, Илья Кавылин, Тимофей Соколов, Андрей Заикин, Алексей Никифоров, Лаврентий Осипов²⁶, многие из которых вскоре окажутся по разные стороны нового более существенного спора, который разделит общину — спора о браках. Правила «Плана» в наибольшей степени отражали интересы состоятельных членов общины, теперь легально представлявших общину во внешнем мире.

²³ ГИМ. Собр. Хлудова. № 167Д. Л. 96 об.

²⁴ См.: Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. С. 344–346. Копия: БАН. Собр. Дружинина. № 701.

²⁵ РГИА. Ф. 673. Оп. 2. Д. 2. Л. 5 об.–6.

²⁶ Там же. Л. 7.

«Пункты» гораздо более детально описывают внутреннее устройство общины и отражают интересы начетчиков и простых прихожан. Известно, что 88 пунктов появились в поле зрения властей после того, как в 1834 г. было установлено, что рижские староверы получили из Москвы 180 правил. Наставник рижских староверов Мирон Карпов выписал 88 правил, после чего министр внутренних дел Д.Н. Блудов переслал их в Москву, чтобы тайно проследить их выполнение, о чем есть соответствующие добавления²⁷. В отличие от «Плана», «Пункты» четко и строго регламентируют деятельность попечителей, устанавливают их обязанности. Они проникнуты заботой о незащищенных и обездоленных. Именно в контексте этой заботы обосновывается необходимость беспроцентного и безвозмездного кредита в рамках общины.

Согласно правилам, предписывалось избирать 7 попечителей, стряпчего, казначея, бухгалтера и письмоводителя (п. 3) сроком на 3 года (п. 7) и максимум на 6 лет (п. 44). Попечители должны были попеременно каждый день дежурить на кладбище (п. 27), собираться каждую неделю (п. 37), а по болезни сразу переизбираться (п. 8). Специально оговаривалось, что попечителем мог стать и простой человек без звания и состояния, которому предписывалось выделять «пристойную квартиру», «харчи» и выдавать по тысяче рублей ассигнациями в год (п. 80). Согласно внутренней экономической регламентации запрещалось иметь лавки (п. 41), предписывалось работать только на собственные надобности (п. 42)²⁸.

Заботой о наиболее нуждающихся была продиктована и возможность получения беспроцентного кредита. Федосеевцы были безбрачниками, поэтому зачастую община наследовала имущество. Предусматривалась своеобразная система социального страхования. Если родственник богатого «доброхотного вкладчика», оставившего капитал общине, оказывался в «бедном положении», то он имел право получить в пользование «третью часть из онаго капитала» (п. 46). Право на капитал имели все родственники до седьмого колена. Если полученный капитал помогал образоваться делу: коммерции, ремеслу, фабрике, промыслам и позволял его продолжать после возвращения долга, то ссуду предписывалось вернуть обратно (п. 49). При неспособности вернуть средства по свидетельству 7 человек давали еще 12 месяцев (п. 50); если опять заемщик не мог вернуть, то раскладывали сумму еще на год с возвратом в каждые четыре месяца (п. 51). Если же и в третий срок в полгода долг отдать не мог, то такового предписывалось «отдать в суд Божий», а попечителям иметь «законное

²⁷РНБ. Ф. Бумаги Титова. № 2347. Л. 125.

²⁸Там же. Л. 127–136.

доказательство» (п. 52). Тем самым, родственник вкладчика мог получить ссуду в пределах трети завещанного капитала. В случае если положение поправить не удавалось, община «человеколюбно» ссуду прощала. Сами эти правила не должны были никому кроме попечителей разглашаться и храниться «в особо запечатанном печатью попечителей шкапе» (п. 54).

Сравнение более раннего «Плана» из 16 правил с расширенными «Пунктами», показывает как разные цели самих этих правил, так и отличающееся мировоззрение составителей. Цель «Плана» была убедить правительство в пользу еще одного «частного благотворительного заведения», максимально прописать права по самоуправлению. Второй, более подробный документ, в большей степени был призван структурировать внутреннюю жизнь общины. Не вызывает сомнений, что «План» составлялся наиболее обеспеченной элитой общины, отражал интересы попечителей, «Пункты» уже явно составлялись под влиянием наставников. В них четко прослеживается желание защитить наименее обеспеченных и поставить попечителей под контроль, обеспечить возможность беспроцентного кредитования. В то же время при всей разнице «Пункты» раскрывают лаконичный план устройства Преображенского Богаделенного Дома как «надежного пристанища неимущих».

Вопрос об исполнении этих правил требует дополнительного исследования. Секретный агент, который был послан следить за кладбищем в 1834 г., докладывал, что выборы «в руках капиталистов». Относительно же имущественных отношений никаких комментариев не оставил²⁹. В «Дневных дозорных записях» за 1844–1848 гг., сведения в которых нельзя считать полностью достоверными, часто упоминается о внесении пожертвований при переселении в келью, о завещании имущества. Так, Семен Фомин отдал общине 35 тыс. рублей при переселении, Тимофей Ефремович Соколов завещал 3 млн. рублей, из которых каждому раздали по тулупу и рассылались средства в общины страны³⁰. Информант не без преувеличения пишет, что «капитал кладбища простирается <...> до 6 млн. рублей, что все три православных лавры в России не имеют».

Уже после смерти в августе 1809 г. главного попечителя И.А. Кавылина на Преображенском кладбище обостряются внутренние споры и несогласия. Главный вопрос — об отношении к бракам и «новоженам»³¹. Проигравшая вы-

²⁹ Там же. Л. 137–138.

³⁰ ЧОИДР. 1885. Кн. 2. С. 35; Кн. 4. С. 83, 116–117.

³¹ В учении и практике беспоповцев один из самых острых вопросов, который много раз приводил к дополнительным внутренним делениям и раздорам — это вопрос о браке. С отказом от священства остались два таинства — крещение и исповедь. Два наиболее крупных согласия

боры в попечители, меньшая числом «партия» Лаврентия Осипова в 1816 г. обращается за помощью к власти³². В результате выяснения победу одерживает более консервативное большинство во главе с Ефимом Грачевым³³. Но далее следует донос на «зловредное учение» о девстве С.С. Гнусина, в результате чего федосеевский учитель в 1822 г. оказывается под арестом и до самой смерти помещается в заточение в Соловецкий монастырь³⁴.

Таким образом, внутренние правила Преображенского кладбища предусматривали как кредит для деловых людей, которые могли бы его приумножить, так и систему социального страхования в виде беспроцентного, а по истечении двух с половиной лет и безвозвратного кредита для наименее обеспеченных. При сравнении двух версий правил в отношении кредита, становится очевидным, что вопрос этот остается открытым для дальнейших напряженных дискуссий.

Дискуссия «о процентной добыче» второй половины XIX в.

Стремление сохранить в неповрежденном виде Священное Предание, неуклонно следовать заветам предков зачастую заставляло ставить под сомнение «новизны», распространенные стандарты современного мира. Наиболее характерный пример — радикальные учения бегунов-странников, отрицающих саму возможность для истинно-православных христиан иметь собственность («мое» — от дьявола).³⁵ Вопросы эти ставили и простые прихожане.

беспоповцев — поморцы и федосеевцы в 1706 г. разошлись в т.ч. в вопросе об отношении к староженам, т.е. тем, кто венчался до перехода в староверие. Федосеевцы в начале XVIII в. требовали от старожен лишь чистого жития. Однако с середины XVIII в. у поморцев стали вводиться т.н. безсвященнословные браки. В начале XIX в., о котором идет речь, особенно острая борьба проходит между федосеевцами Преображенского кладбища и поморцами Монинской моленной. Часть именитых попечителей федосеевцев тяготело к тому, чтобы узаконить браки. Переворот в общине им провести не удалось и «самобрачные новожены» вынуждены были перейти к поморцам, где браки совершались по новому уставу.

³²Лаврентий Иванович Осипов умер в 1825 г. и похоронен на Преображенском кладбище.

³³Ефим Иванович Грачев (1743–1819) — крупнейший текстильный фабрикант с. Иваново, после выкупа у гр. П.Б. Шереметьева в 1795 г. стал купцом 1-ой гильдии. Пользовался расположением И.А. Кавылина, благодаря связям с влиятельными сановниками в Петербурге помогал решать дела общины. Выстроил женскую богадельню на Преображенском кладбище, помогал Московскому университету. Предприниматель уже не смог передать дело по наследству.

³⁴РНБ. Ф. Бумаги Титова. № 2347. Л. 37–111. См. также о внутренней полемике в федосеевском согласии: *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия... С. 338–395.

³⁵Справедливости ради следует отметить, что у странников дискуссии по экономическим вопросам возникали с постоянной периодичностью, что отразилось даже в наименованиях толков:

В этом отношении значительный интерес представляют выявленные нами письмо и выписки Алексея Семеновича Тарутинского «О процентной добыче и лихоимании» последней четверти XIX в. из коллекции Ивана Никифоровича Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома³⁶. Об авторе послания — А.С. Тарутинском — нам не удалось обнаружить никаких сведений, кроме того, что он жил в Латгалии³⁷ в конце XIX в.

Адресат послания — Ефим Степанович Суворов, начетчик, федосеевец, видный деятель Стародубской и Преображенской общин последней четверти XIX в. Биография этого влиятельного деятеля еще не написана. Из сохранившейся обширной переписки можно видеть, что его духовное влияние распространялось одно время не только на Москву, но и на Петербург, Казань, Самару, Оренбург, Екатеринбург, Полоцк, Злынку и другие города, где были общины³⁸. Как «крепковер», Е.С. Суворов ратовал за сохранение святоотеческих уставов, проявлял непреклонность и бескомпромиссность. Тетрадки с хозяйственными записями заставляют предположить, что в последние годы жизни Е.С. Суворов занимался огородничеством и пчеловодством в Латгалии.

Из многочисленных посланий самого Ефима Степановича становится очевидным, что А.С.Тарутинский мог видеть в нем единомышленника и не случайно именно к нему обратился, в поисках поддержки в обличении взимания процентов попечителями Преображенского кладбища. Этот вопрос являлся лишь одним из многочисленных аспектов несогласий и споров непреклонного «старичишки», как он себя называл, с Москвой.

Из писем Е.С. Суворова к попечителям Преображенского Богаделенного дома (в том числе к Ефиму Савельевичу Егорову³⁹) становится известно, что из-

«сопелковцы» и «безденежники» в 40-х гг. XIX в., «мельничные» (последователи А.В. Рябинина) и «немельничные» в начале XX в.

³⁶ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 286. Опубликованный текст А.С. Тарутинского «О процентной добыче и лихоимании» см. в приложении: *Расков Д.Е.* «О процентной добыче и лихоимании»: отношение к проценту в хозяйственной этике староверов // *Старообрядчество в России (XVII–XX века)* / Отв. ред. Е.М. Юхименко. М., 2010. Вып. 4.С. 655–673.

³⁷Латгалия — восточный край Латвии. — *Прим. отв. ред.*

³⁸См. сборники посланий и выписок апологетического и полемического содержания, документов Е.С. Суворова: ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 283, 284, 309, 331; Латгальское собрание. № 189.

³⁹Е.С. Егоров (1823–1895) — санкт-петербургский 1-й гильдии купец, владелец обширной недвижимости в Петербурге, торговец мануфактурными товарами, содержатель бань в Казачьем переулке. Состоял не только попечителем Преображенской богадельни, но и председателем Комитета Волковской богадельни, попечителем Михайловской богадельни на Охте, почетным членом совета Виленского и Варшавского приютов. Принимал активное участие в управлении и отстаивании интересов Преображенского кладбища.

за обрядовых разногласий автор посланий был вынужден покинуть Казань. Он кадил крестообразно, а не обводно, обходил гроб посолонь⁴⁰, а не против солнца, использовал летоисчисление, согласно которому Христос родился в 5500 г. от сотворения мира, т.е. на 8 лет раньше, т.е. полагал, что к летоисчислению от Р.Х. надо прибавлять еще 8 лет⁴¹. Другой спор, в котором активную позицию занял Е.С. Суворов, касался истории с «лжеиноком» Филаретом⁴². Инок Филарет уже отправлял духовные дела в Преображенской общине, когда Ефим Суворов, приехав сюда в 1882 г. из Черниговщины, признал в нем представителя поповщины и потребовал его перекрещивания, после чего на правах духовного отца запретил Филарету исправлять дела духовные⁴³. Филарет ослушался, тогда как ему надо было «плакать и молиться». Е.С. Суворов настаивал на созыве собора, но попечители Преображенского кладбища оставили дело «втуне». «Отцы безгласны, — сетовал Е.С. Суворов, — силы и значения никакого не имеют, как наш вселенский учитель или Преображенский Тимофей Петрович Москвин скажет, так и будет»⁴⁴. Подпись Е.С. Суворова стоит под постановлением состоявшегося в 1884 в Режице в Крутиковской моленной по поводу чтения Псалтыри в замиренных домах⁴⁵.

Е.С. Суворов часто обращался за поддержкой к попечителям, для того чтобы они рассудили и помогли восстановить былое единство, пресечь раздор, «защитить раздраную драхму» и излечить раны: «Ефим Савелич и Феодор Петрович [Москвин], вы меня просили остаться в совете, в составе отцов наших. Феодор Петрович, ты дал обет мне ошибки исправить, а ты, Ефим Савелич, во отеческой давал совет поучать купцов жительствовати по-христиански»⁴⁶.

Наконец, в письмах Е.С. Суворова в регионы и попечителям в Москву и Санкт-Петербург пристальное внимание уделялось тем отступлениям, которые он видел в жизни Преображенского кладбища: «берут деньги от еретиков»

⁴⁰Хожение посолонь вокруг гроба обосновывается опытом прошлых поколений: «...яко научила меня дорогая мне мать, что ето предание предков и что хранят етот завет. <...> Можно ли чтить отца и мать и плевать на бабку и деда?» (ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 283. Т. 1. Л. 77 об.)

⁴¹ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 283. Т. 1. Л. 56–61. По летоисчислению см. пояснения: *Мальцев А.И.* Странники-безденжники в первой половине XIX в. // *Христианство и церковь в России феодального периода: Материалы / Отв. ред. Н.Н. Покровский.* Новосибирск, 1989. С. 343–344.

⁴²ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 285, 294.

⁴³*Никонов В.* Резекне: очерки истории с древнейших времен до апреля 1917 года. Рига, 2000. С. 138.

⁴⁴ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 285. Л. 1 об.

⁴⁵*Никонов В.* Резекне: очерки истории... С. 140.

⁴⁶ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 283. Т. 1. Л. 92 об.

и «деньги за свечи», «кадят бритаго», чай с сахаром в пост пьют⁴⁷, «пианство в певчих без меры», ходят в баню и торгуют с еретиками, одеваются во французские и немецкие платья, и, наконец, отдельный пункт посвящен лихоиманию — «проценты берут»⁴⁸.

В русле заботы о сохранении истинного благочестия лежит и обращенное к Е.С. Суворову письмо А.С. Тарутинского, в котором автор недоумевает по поводу слухов, что попечители Преображенского Богаделенного дома в Москве отдают «денги в козенный дом и проценты берут». В письме можно проследить, по крайней мере, два противопоставления: «отцов» и попечителей, центра и окраины. Центр подвержен большим соблазнам, более греховен; на окраине, в глуши лучше умеют хранить заветы предков и церковные правила. А.С. Тарутинский обращается к адресату — «отцы честныи», пишет о том, что святые отцы запрещают лихоимание, наказывают, отлучают за него. Он напоминает Ефиму Степановичу, что он во время пребывания в Москве сам видел, как там даже и отцы деньги берут за молитвы, панихиды и отдают в казну кладбища, что, по его мнению, также подлежит наказанию. Просит Ефима Степановича послать письмо в Москву, чтобы повлиять на ситуацию. На основании выписок из Священного Писания, Кормчей, творений свт. Иоанна Златоуста, Стоглава, «Альфы и Омеги», комментарии Зонары и других текстов житель Латгалии хочет показать, что лихоимание, взимание процента запрещалось и наказывалось епитимьями, отлучением от Церкви и призывает пресечь «процентную добычу» «ко очищению Святые обители».

Интересно проследить характер цитирования и точность приводимых автором цитат, очертить источники, которые им используются. Выписки начинаются с толкования Евангелия от Луки в Учительном Евангелии. Этот фрагмент нов по сравнению с письмом С.С. Гнусина. При цитировании основной акцент сделан на суровые запрещения и наказания, лихоимание сравнивается с разбоем, кровопролитием и убийством. Сами Евангельские слова, в которых говорится о необходимости любить врагов, поступать с людьми так же, как хотел бы, чтобы поступали с тобой, ожидать большую мзду в духовном смысле в жизни вечной и ничего не ожидать от того, кому даешь в долг в жизни земной, — не приводятся.

⁴⁷ Как известно, одна из статей Варковского собора поморцев, проходившего в 1831 г. на территории Прибалтики (Варковской Мызы), так и называлась: «О сахаре скотокровном». Согласно разъяснению, «в нынешнее последнее время», «не более тридцати лет назад тому», сахар стали делать с кровью и костями, поэтому сахар и попадает под запрещение (ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 22. Л. 29 об.).

⁴⁸ Там же. № 283. Т. 2. Л. 13, 25.

Более семи раз автор выписок обращается к Кормчей — сборнику церковных правил, постановлений и определений Вселенских и Поместных Соборов. Большая часть указанных запрещений касается священников. По правилу 44-му святых апостолов, священник, взявший лихву с должника, должен быть «извержен»⁴⁹. То же определение было подтверждено и в 17-м правиле Никейского собора, в 4-м правиле Лаодикийского собора⁵⁰. По правилу 6-му Григория Нисского, лихоимство — служение идолу, идет от похоти и ярости и мешает любви к ближнему⁵¹. Относительно же мирских людей, к которым можно отнести и попечителей, сказано лишь в 5-м правиле Поместного Карфагенского собора: «Если и мирской человек возьмет лихву, то будет иметь порок и подвергнется осуждению»⁵².

Отсылка к Стоглавому собору, решения которого были приняты «при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче» в 1551 г., подчеркивает уважительное отношение к дониконовской Руси. В главе 76-ой содержался ответ на вопрос царя: «Угодно ли Богу раздача церковных и монастырских денег в рост?» В ней говорилось, что «...Божественныя писания и священныя правила, не токмо епископом и пресвитером и диаконом и всем православным, но и всему священническому и иноческому чину возбраняют, но и простым не повелевают резеоимство и лихву истязати...»⁵³. Запрещение это в большей степени касалось церковного имущества, но именно монастырское имущество и можно сравнить с собственностью общины. В выписке пропущено «монастырям»: вместо «всем монастырям» оставлено «всем денги давать <...> своим крестьянам без росту и хлеб без насыпу». Некоторыми историками эта статья Стоглавого собора трактовалась как умеренная и осторожная, поскольку запрещалось давать деньги крестьянам, но не боярам, знати, дворянам⁵⁴.

Не обойден вниманием в выписках А.С. Тарутинского и сборник помещенных в алфавитном порядке проповедей об истинно христианской жизни — «Альфа и Омега». По мнению исследователей, этот сборник («Начаток и конец») был составлен приблизительно в первой половине XVII в. и пользовался

⁴⁹Кормчая. СПб., 2004. С. 157.

⁵⁰Там же. С. 210–212, 278.

⁵¹Там же. С. 673.

⁵²Там же. С. 373–374.

⁵³Стоглав. СПб., 1997. С. 205.

⁵⁴Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв.. СПб., 2000. С. 228.

особым уважением среди старообрядцев⁵⁵. Третья часть 41-й главы так и называется: «О лихве и ласкании»⁵⁶. В выписках Тарутинского даются отсылки к тексту, сам же текст не приводится. Лихоимание называется самым большим злом, идолослужением, упоминается, что особенно эта «погибель» распространится в «последние времена».

Пожалуй, ключевое место в приводимых подтверждениях на запрет взимания процента принадлежит выпискам из творений свт. Иоанна Златоуста. Святитель писал, что лихоимство — корень многих зол, а лихоимец в сущности еще хуже вора и разбойника, поскольку действует более тиранически. Честный заработок земледельца, скотовода, ремесленника, рачительного домохозяина не сравним с заработком ростовщика. Особое внимание автор выписок придает тем запретам, которые накладывает Иоанн Златоуст на общение с лихоимцами. Не раз в тексте повторяется, что с тем, кто взимает проценты, не следует разделять совместную трапезу. Кроме того, не следует принимать милостыню от лихоимцев, поскольку взявшего чужое не спасут и бесчисленные дары⁵⁷. Тем самым, опираясь на авторитет свт. Иоанна Златоуста, автор настоящих выписок дает понять, что даже милостыня не может помочь лихоимцу, даже добрые дела не могут оправдать лихоимство.

Решительность документа, обилие обличений и запрещений вновь показывает, что в рамках старообрядчества вопросы о принципиальной порочности устоявшихся правил торговли и банковского дела не переставали ставиться и в конце XIX в. Вряд ли этот вопрос был основным источником конфликтов, но, безусловно, частые обращения к этой проблеме не могли не создавать определенного напряжения вокруг экономической жизни.

Как позволяют судить письма Е.С. Суворова, он, так же, как и А.С. Тарутинский, отрицательно относился к взиманию процентов, хотя для духовного наставника это был лишь один из вопросов, по которым он критиковал действия попечителей и настоятелей Преображенского кладбища.

Примечательно, что в тех случаях, когда речь идет о лихве, Е.С. Суворов пользовался теми же источниками, что и А.С. Тарутинский⁵⁸. В письме, адресованном в Оренбург, Ефим Степанович сетует, что «вскочиша в Церковь лихоимцы, берущия проценты», ссылаясь при этом на Евангелие Учительное

⁵⁵ Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. Введение в изучение. СПб., 1996. С. 82–83.

⁵⁶ Альфа и Омега. Л. 119–120.

⁵⁷ См. к примеру: *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Евангелие от Матфея. М., 1664. Ч. 2. Л. 72 об.

⁵⁸ Возможно, что общий источник — «Отческие завещания».

и «Альфу и Омегу»⁵⁹. Встречаются у Е.С. Суворова и отдельные выписки, посвященные запрещению взимания процентов. Часть письма, озаглавленная «*О лихве и резоимании*», в основном совпадает с выписками А.С. Тарутинского.⁶⁰ Общий заголовок — «О лихве и резоимании» — отсылает читателя к Стоглаву. Кроме него, запрещение взимания процента обосновывается ссылками и прямыми цитатами из Номоканона, Иоанна Постника, «Альфы и Омеги», бесед свт. Иоанна Златоуста. Мирянам (простолоудинам), как и священникам, не разрешается не только «резоимство и лихву истезати», но и есть за одним столом с лихоимцем, принимать милостыню от тех, кто разбогател ростовщицеством. Близкое сходство выписок А.С. Тарутинского и Е.С. Суворова позволяет говорить о едином представлении о взимании процентов в федосеевском согласии. Есть большие основания предполагать, что это единое представление сложилось под влиянием протестного письма С.С. Гнусина от 1808 г., обосновывающего запрещение процента.

Правила поповцев относительно размещения капиталов

Целесообразно параллельно представить отношение к проценту в более умеренном направлении старообрядчества: у поповцев Белокриницкой иерархии. У них, в отличие от беспоповцев, практика отдачи свободных средств в рост была узаконена во внутренних документах.

Так, в установлениях Рогожской общины мы встречаем разрешение о помещении капиталов под проценты⁶¹. Подразумевается, что сам по себе рост может быть оправдан, если это делалось ради благой цели укрепления общины, улучшения ее экономического положения. В характерном общественном приговоре 1882 г. попечителям Рогожского Богаделенного дома московским 1-й гильдии купцам Дмитрию Осиповичу Милованову и Петру Кирилловичу Мельникову разрешается свободные капиталы помещать в банк под проценты: «Поступаемую вкладу от доброхотных дателей, сумму, вещи и прочия продовольствия имеете Вы записывать в учрежденные нами приходно-расходные книги, а также обязаны вы внести всю сумму прихода и хранить оны за общим вашим присмотром при Конторе Кладбища, а излишнюю сумму имеете положить в один из банков для приращения процентов»⁶². Главное, на что обращается

⁵⁹ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 283. Т. 2. Л. 29–29 об.

⁶⁰ИРЛИ. Колл. Заволоко. № 309. Т. 2. Л. 100 об.–101.

⁶¹Подробнее см. параграф «Внутренняя жизнь Рогожской общины. Попечители» в кн.: Юлименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005. С. 63–71.

⁶²РГБ. Ф. 246. К. 5. Ед. 4. Л. 6 об.

внимание, — это четкость и точность в фиксировании всех операций, ответственность за каждое важное решение. Для составителей документа очевидна простая заповедь предпринимателя — деньги должны работать.

Интересно проследить изменения в тексте общественного приговора для попечителей в части, касающейся помещения капиталов в банк. Уже в приговоре от 24 февраля 1885 г. для московских купцов 1-й гильдии Василия Михайловича Михайлова и Федора Михайловича Мусорина вопрос о размещении капиталов выделен в отдельный пункт №5: «Капитал Богаделенного дома, заключающийся в процентных бумагах, должен быть на хранении в Государственном банке. Наличные же суммы помещаются на срочный вклад в один из банков с согласия гг. выборных, и условный текущий счет от имени гг. попечителей Рогожского Богаделенного дома»⁶³. Впоследствии в этот пункт вносились дальнейшие уточнения, касающиеся работы с купонами, ценными бумагами, талонами; пункт заметно расширялся, детализировался; предписывалось хранить капитал не в Государственном банке, а в Московском купеческом банке⁶⁴.

Институт попечительства играл особую роль в старообрядческих общинах. Попечители не только имели полномочия для решения внутренних хозяйственных вопросов, но и фактически представляли интересы общин в любом общении с внешним миром. Только они могли заведовать движимым и недвижимым имуществом, взаимодействовать с учреждениями и частными лицами, возбуждать ходатайства перед властями. Известна процедура избрания попечителей Рогожской общины после 1869 г. Согласно новому порядку избрания, в голосовании и выдвижении могли принимать участие только прихожане, постоянно проживающие и имеющие недвижимую собственность в Москве. Из своей среды они избирали 30 выборных, а уже выборные голосовали за двух попечителей, «известных пожертвованиями своими»⁶⁵. Новая процедура избрания попечителей дала возможность сформировать работающий и динамичный институт, который позволил общине развиваться. Новые правила исключали длительное пребывание на посту попечителя, участие в выборах крестьян из Московской губернии. Тем самым упреждалась возможность возникновения конфликта 1869 г., когда на кладбище оставался единственный попечитель Егор

⁶³ Там же. К. 6. Ед. 2. Л. 9 об.

⁶⁴ Там же. К. 9. Ед. 1. Л. 36 об. (приговор 1894 г.).

⁶⁵ Там же. К. 2. Ед. 6. Л. 26. Примерно такой же порядок был учрежден в 1894 г. на Громовском кладбище в Санкт-Петербурге: избиралось сорок выборных, а из них трое попечителей на пятилетний срок (см.: Там же. Л. 56–57 об.).

Евсеевич Бочин, который был избран в 1854 г.⁶⁶ Он опирался в основном на крестьян Гуслицкой волости, села Коломенского и других мест Московской губернии⁶⁷.

Таким образом, уставы и общественные договоры московских общин поповцев второй половины XIX в. свидетельствуют о том, что помещение денег общины в банк, получение процентов от разного рода ценных бумаг было внесено в официальные документы и легализовано.

Заключение

Разобранные источники — письмо С.С. Гнусина, варианты устава Преображенской общины федосеевцев, более поздние выписки А.С. Тарутинского — заставляют всерьез задуматься о той внутренней работе, которая постоянно шла в старообрядчестве. Наряду с неминуемыми послаблениями в духе купечества сохранялся христианский дух запрещения процента и осуждения торговли. Сохранение этого духа усиливало ответственность за вынужденные отступления от канона, что приводило к большей благотворительности и меценатству⁶⁸. Как показывает знакомство с дискуссиями по этому вопросу и отрывочные сведения, связанные с практикой, единой точки зрения в хозяйственной этике старообрядчества не сформировалось. Более лояльно к размещению капиталов на банковских депозитах относились в Рогожской общине поповцев, что было отражено в наказах для попечителей. Идеалом для федосеевцев оставалась система беспроцентных и даже безвозвратных кредитов. Однако постоянное возвращение к обсуждению этого вопроса, по которому уже существовало вошедшее в книгу «Отечественные завещания» авторитетное мнение С.С. Гнусина, высказанное в 1808 г., показывает, что и у федосеевцев христианские идеалы не всегда согласовывались с практикой. Полярность позиций по вопросам хозяйственной

⁶⁶Безусловно, разногласия в общине имели прежде всего духовную основу. Достаточно вспомнить, что в 1862 г. выходит «Окружное послание», составленное И.Г. Кабановым. Многие говорят о том, что борьба окружников и неокружников продолжалась и в 1869 г.

⁶⁷В прошении Ивана Ивановича Бутикова, Федора Яковлевича Свешникова и Ивана Ивановича Шибаева к министру внутренних дел они были названы «крестьянами-фанатиками» (РГБ. Ф. 246. К. 2. Ед. 5. Л. 18 об.–19.)

⁶⁸Характерны приводимые И.В. Сагнаком слова Алексея Леонтьевича Кекина, завещавшего все свое огромное состояние на обустройство г. Ростова Великого и, прежде всего, на создание гимназии: «...века жили Кекины в Ростове и ничего особенного не сделали для города добра, а много зла — своими 12% годовых, дисконтами, раззорили многих» (см.: Сагнак И.В. Алексей Леонтьевич Кекин: род и личность // На земле преподобного Сергия / Краеведческий сборник. Ростов Великий, 2004. С. 71–78).

этики внутри общины часто приводила к спорам, которые являлись источниками временных конфликтов. По разные стороны оказывались начетчики и попечители, священники и купцы, представители центра и окраины. Обсуждение степени допустимого компромисса с внешним миром, борьба за чистоту традиции и против «обмирщения» не прекращались. Полярные позиции создавали постоянное напряжение физических, интеллектуальных и духовных сил, зачастую направленных именно на экономическую сферу.

Источники и литература

Архивные материалы

1. ГИМ (Государственный исторический музей). Собр. Хлудова. № 167 Д.
2. ИРЛИ (Институт русской литературы (Пушкинский дом)). Колл. И.Н. Заволоко. № 22, 283, 284, 285, 286, 294, 309, 331.
3. ИРЛИ. Латгальское собрание. № 189.
4. РГБ (Российская государственная библиотека). Ф. 246. К. 2. Ед. 5–6; К. 5. Ед. 4; К. 6. Ед. 2; К. 9. Ед. 1.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 673. Оп. 2. Д. 2.
6. РНБ (Российская национальная библиотека). Собр. Вяземского. Q 2.
7. РНБ. Ф. Бумаги Титова. № 2347.
8. Альфа и Омега. Вильно. 1786.

Публикации

1. *Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958.
2. *Вознесенский А.В.* Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. Введение в изучение. СПб., 1996.
3. *Голикова Н.Б.* Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.
4. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М.: «Наука», 2005.
5. *Зейтель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. М., 1913.

6. *Иоанн Златоуст, свят.* Толкование на Святаго Матфея евангелиста // *Иоанн Златоуст, свят.* Полное собрание творений в двенадцати томах. Т. 7. Кн. 1. М., 2000.
7. *Иоанн Златоуст, свят.* Беседы на Евангелие от Матфея. Ч. 2. М., 1664.
8. *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004. Кормчая. СПб., 2004.
9. *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. М.: «Наука», 2004.
10. *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.
11. *Никонов В.* Резекне: очерки истории с древнейших времен до апреля 1917 года. Рига, 2000.
12. *Расков Д.Е.* «О процентной добыче и лихоимании»: отношение к проценту в хозяйственной этике староверов // *Старообрядчество в России (XVII–XX века)*. Вып. 4 / Отв. ред. Е.М. Юхименко. М., 2010. С. 655–673.
13. *Расков Д.Е.* Торговля и хозяйственная этика раннего старообрядчества: Из истории Выговской поморской пустыни // *Экономическая история России: проблемы, поиски, решения / Ежегодник*. Вып. 6. Волгоград. 2004. С. 312–321.
14. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
15. *Сагнак И.В.* Алексей Леонтьевич Кекин: род и личность // *На земле преподобного Сергия / Краеведческий сборник*. Ростов Великий, 2004. С. 71–78.
16. *Симонов В.В.* [Игумен Филипп.] Церковь-общество-хозяйство. М.: «Наука», 2005.
17. *Скрынников Р.Г.* Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000.
18. Соборное уложение 1649 года. Изд. М.Н. Тихомирова и П.П. Елифанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.
19. Стоглав. СПб., 1997.
20. *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.

21. *Хёффнер Й.* Христианское социальное учение. М.: Духовная библиотека, 2001.
22. *Юхименко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005.